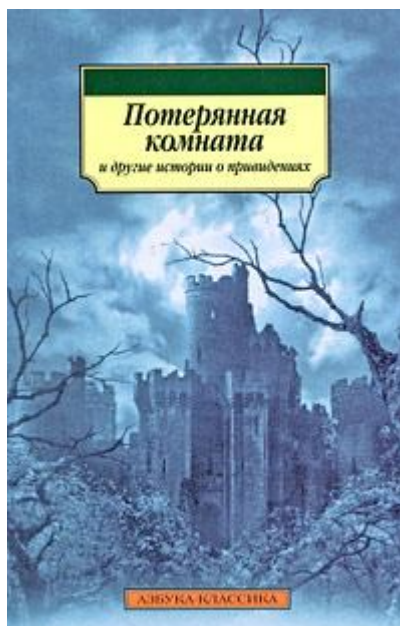

Джон Кендрик Бангз Проказа теософов

Джон Кендрик Бангз ПРОКАЗА ТЕОСОФОВ

I

Одного взгляда на мисс Холлистер Уиллису хватило. Он был сражен. Она полностью воплощала в себе его идеал, хотя до встречи с ней его идеал был совершенно иным. Девушка его мечты представлялась похожей на Юнону¹ – в мисс Холлистер не было ничего от Юноны. Волосы у нее были золотисто-каштановые – Уиллис прежде терпеть не мог этот цвет. Если бы такая шевелюра украшала голову другой женщины, Уиллис назвал бы ее рыжей. Это показывает, что он был не просто сражен, а сражен наповал. Взгляды его поменялись радикально. Мисс Холлистер опрокинула старый идеал и воцарилась на его месте, и все это время с ее лица не сходила улыбка.

Но было что-то у мисс Холлистер в глазах, чему заулыбалось сердце Уиллиса. Они были большие, круглые и блестящие – и глубокие. Такая в них таилась глубина, такая угадывалась проницательность, что от их взгляда в глубинах души Уиллиса всколыхнулись пылкие чувства, и в то же время его несколько смутило подозрение, что от мисс Холлистер не скрыта ни одна извилина его мозга с запрятанными там мыслями, а вернее – с абсолютным отсутствием таковых, поскольку их полностью вытеснили восторги.

– Боже милостивый! – сказал Уиллис впоследствии сам себе (способный временами к мудрым суждениям, он не нуждался в иных наперсниках, кроме самого себя), – боже милостивый! Не иначе, она может заглянуть мне прямо в душу, и если вправду заглянет, мои надежды разбиты, ведь что такое моя душа в сравнении с ее? Горный ручеек, никак не способный соперничать с Амазонкой.

Тем не менее Уиллис позволял себе надеяться.

– Вдруг случится что-нибудь непредвиденное, и возможно – возможно, я придумаю какую-нибудь хитрость, чтобы скрыть от нее свое убожество. Прикрою цветным стеклом

¹ Юнона – в древнеримской мифологии богиня брака и материнства, супруга Юпитера.

окошки своей души – поди разгляди тогда ее изъяны. Дымчатые стекла, почему бы нет? Сквозь дымчатые стекла смертные могут смотреть на солнце, так почему бы мне не прибегнуть к ним, обращая взгляд к двум светилам, едва ли не столь же ослепительным?

Бедняга Уиллис! Фортуна повернулась к нему спиной. Вдали зрел роковой заговор, навеки разрушивший его упования, и вот как это произошло.

В один прекрасный день Уиллису случилось раньше обычного возвращаться домой. На углу Бродвея и Астор-плейс он сел в омнибус, шедший к Мэдисон-авеню, заплатил за проезд и занял место в углу, в заднем конце салона. Его ум, как обычно, был занят восхитительной мисс Холлистер. Несомненно, говорил он себе, всякий, кто хоть раз ее видел, не может думать ни о чем другом, и от этой мысли его кольнула ревность. Как смеют другие думать о ней? Наглые, ничтожные смертные! Никто этого не достоин – даже он сам. Но он может измениться. По крайней мере, он может попытаться стать достойным мыслей о ней, а все другие не могут. Как бы ему хотелось взгреть каждого, кто хотя бы упомянет ее имя!

– Наглые, ничтожные смертные! – повторил он.

А потом омнибус остановился на Семнадцатой улице, и кто, по-вашему, вошел в салон? Мисс Холлистер собственной персоной!

«Ну и ну! – подумал Уиллис. – Боже милостивый, она – и в омнибусе! Чудовищно! Мисс Холлистер в омнибусе – это все равно что Минерва² в тележке бакалейщика. Презренный, подлый мир, где Минерве приходится ездить в омнибусе, то есть мисс Холлистер – в тележке бакалейщика! Нелепость несусветная!»

Тут он приподнял шляпу, потому что мисс Холлистер мило кивнула ему по пути в противоположный конец салона, где остановилась, держась за поручень.

«Странно, почему она не сядет? – подумал Уиллис. Оглядев салон, он убедился, что все места, кроме того, где сидел он, свободны. Собственно, в омнибусе не было никого, кроме мисс Холлистер, водителя, кондуктора и самого Уиллиса. – Пожалуй, пойду поговорю с ней, – решил было он, но тут же усомнился: – Нет, лучше не надо. Она заметила меня, когда входила; если бы ей хотелось поговорить, она села бы рядом или напротив. Я покажу себя достойным ее, если не стану ей навязывать свое общество. Но вот что непонятно: почему она стоит? Вид у нее усталый».

Тут мисс Холлистер повела себя совсем уж непонятно. Она слегка наклонила голову, словно обращаясь к кому-то, стоявшему в боковом проходе, пробормотала несколько слов (что именно, Уиллис не разобрал) и опустилась на сиденье в дальнем конце салона. На лице у нее была написана досада, можно даже сказать, враждебность.

Уиллис больше прежнего терялся в догадках, сменившихся тревожным недоумением, когда на Сорок второй улице мисс Холлистер встала и, не удостоив его ни единым взглядом, прошла мимо него к выходу.

– Ноль внимания, разрази меня гром! – в ужасе воскликнул Уиллис. – Но почему, хотел бы я знать? Ничего не понимаю. Неужели она подвержена капризам – это с ее-то глазами? Нет. Невозможно. Но в чем же тогда дело?

Как ни ломал себе голову Уиллис, ему не удалось разрешить загадку. Происшествие представлялось совершенно необъяснимым.

– Я это выясню, наберусь смелости и выясню это, – произнес он, после того как часа два ломал себе голову над загадкой недовольства мисс Холлистер. – Явлюсь вечером к ней и задам прямой вопрос.

Первое свое намерение он выполнил, но второе – нет. Явиться он явился, но вопроса не задал, потому что мисс Холлистер не дала ему такой возможности. Получив его карточку, она послала сказать, что ее нет дома. Через два дня, случайно встретив Уиллиса на улице, она смирila его холодным взглядом и снова дала понять, что не желает с ним знаться. Через полгода было объявлено о ее помолвке с одним бостонцем, а ближайшей осенью мисс

² *Минерва* – в древнеримской мифологии богиня мудрости, покровительница искусств и ремесел.

Холлистер из Нью-Йорка сделалась миссис Барроуз из Бостона. Знакомым рассылались карточки, но Уиллис ничего не получил. Разрыв был полным и окончательным. Но почему? Ничто не тревожило его так, как эта загадка. Чем он так провинился перед мисс Холлистер?

II

Минул год, Уиллис оправился от удара, сокрушившего его надежды, но частенько гадал о причинах странного поведения своего идеала. Он обсуждал это происшествие с друзьями, но они тоже не приблизились к разгадке – все, за исключением одного. Этот самый друг слышал от своей жены (школьной соученицы и близкой подруги мисс Холлистер, ныне миссис Барроуз), что мисс Холлистер ценила Уиллиса очень высоко, пока не обнаружила, что он не всегда придерживается правил галантности.

– Галантности? Это я-то не придерживаюсь правил галантности? – удивился Уиллис. – Да разве со мной такое случалось? Бронсон, дружище, уж ты-то знаешь, каково мое обращение с женской половиной человечества, равно как и с мужской. Если существует на свете человек, превративший вежливость в манию, то это как раз я. Любезней меня вообще никого нет. Когда я играю дома в покер, у меня пустеют карманы, потому что я взял себе за правило никогда не обыгрывать своих гостей ни в карты, ни в другие игры.

– Это не вежливость, – вставил Бронсон. – Это идиотизм.

– Это подкрепляет мое утверждение. Моя вежливость граничит с идиотизмом. Я забыл о правилах галантности? Вот те на! Какой я дал ей повод, чтобы так говорить?

– Понятия не имею, – отозвался Бронсон. – Ее спроси. Может, ты перестарался по части вежливости. Избыточная галантность – это хуже, чем грубость. Возможно, мисс Холлистер решила, что ты хочешь ее унижить своей преувеличенной вежливостью. Ты ведь знаешь слова поэта. Соросис гнева не таит, как женщина, когда мужчина к ней снисходит³.

– Я уж подумываю написать миссис Барроуз и спросить, в чем моя провинность.

– Отличная мысль, – кивнул Бронсон. – Барроуз будет в восторге.

– Ты прав. Об этом я не подумал.

– Думать – это вообще не твой конек, – сухо заметил Бронсон. – На твоём месте я бы выждал время, объяснение всплывет само. Чего только на свете не бывает, а жена говорила мне, что Барроузы собираются провести зиму в Нью-Йорке. Наверняка судьба вас где-нибудь сведет.

– Нет уж, я не собираюсь бывать там, где можно на них наткнуться. Не желаю второй раз получить от ворот поворот – ни от одной женщины, даже от миссис Барроуз, – твердо возразил Уиллис.

– Молодчина! Так и действуй, – насмешливо улыбнулся Бронсон.

Спустя неделю-другую Уиллис получил от мистера и миссис Бронсон приглашение пообедать с ними в домашней обстановке. «У меня будут друзья, очень неглупые люди, и я хочу вас с ними познакомить, – писала миссис Бронсон. – Приходите непременно».

Уиллис пришел. Неглупыми друзьями оказались мистер и миссис Барроуз, и, к удивлению Уиллиса, бывшая мисс Холлистер очень радостно его приветствовала.

– О, мистер Уиллис. – Она протянула руку. – Счастлива снова с вами повидаться!

– Благодарю, – несколько растерянно отозвался Уиллис. – Я... это поистине приятный сюрприз. Я... я и понятия не имел...

– Я тоже. Если бы я знала, что вас здесь встречу, честное слово, мне было бы немного

³ *Соросис гнева не таит, как женщина, когда мужчина к ней снисходит.* – Перефразированная цитата из трагедии Уильяма Конгрива (1670–1729) «Невеста в трауре» (*The Mourning Bride*, 1697): «Heaven has no rage like love to hatred turned, / Nor hell a fury like a woman scorned» – III, 8: «На небесах нет ярости сильнее, чем любовь, превратившаяся в ненависть, а в аду никакая фурия не сравнится с отвергнутой женщиной». «Соросис» (*Sorosis*) – первый профессиональный женский клуб, созданный в Нью-Йорке в 1868 г. с целью содействия социальной, научной и творческой активности женщин; в широком смысле – женское сообщество.

неловко. Я... ха, ха!.. глупо, но никак не решусь об этом заговорить... однако я должна. Я очень дурно с вами обошлась.

– В самом деле? – улыбнулся Уиллис. – Как же?

– Ну, я, собственно, не виновата, только не помните ли: чуть больше года назад мы с вами ехали в центр города на омнибусе – по Мэдисон-авеню?

– Хм! – Уиллис сделал вид, что силится вспомнить. – Постойте-постойте... ах да, кажется, помню. Других пассажиров как будто не было и... э-э...

Тут миссис Барроуз откровенно рассмеялась:

– Это вы думали, что других пассажиров нет, но они были. Салон был переполнен.

– Такого случая я не помню. Насколько мне известно, мы только один раз ехали вместе в омнибусе...

– Да-да, об этом случае и идет речь, – перебила его миссис Барроуз. – Когда я вошла, вы сидели в уголке в заднем конце салона, и меня возмутило, что мне пришлось занять место, предложенное незнакомцем, который проявил большую настойчивость. Прежде он много раз попадался мне на глаза и вызывал у меня безотчетную, но глубокую антипатию.

– Не понимаю, – изумился Уиллис. – Мы были в салоне одни.

– Это вам так представлялось, хотя в то время я об этом не знала. Я же, когда вошла, увидела, что все сидячие места заняты. Вы ответили на поклон, но не предложили мне место. Это сделал незнакомец, я хотела отказаться, но не смогла. Он был примерно моего возраста, с очень необычными глазами. Им было невозможно противиться. Он не столько предложил, сколько приказал; я ехала и думала: как это так – вы сидите не шелохнувшись в другом конце салона, не позаботились уступить мне место и отчасти виновны в том, что мне пришлось принять услугу совершенно незнакомого и крайне неприятного человека. Меня душило негодование, и, собравшись с духом, чтобы выйти, я с вами не попрощалась. Не укладывалось в голове: обычно вы сама любезность, а в тот раз поступили вопреки всем ожиданиям.

– Но, миссис Барроуз, – запротестовал Уиллис, – какой смысл уступать даме место, когда вокруг пустуют еще два десятка мест?

– Никакого смысла. Но лишь прошлой зимой я обнаружила, что с нами сыграли шутку.

– Как так? Шутку?

– Да. Это была шутка. Вы видели салон пустым, а я – переполненным астральными телами членов Бостонского теософского общества.

– Что-о? – прохрипел Уиллис.

– То же сказала и я. – Смех миссис Барроуз раскатился серебряным колокольчиком. – Они были большие друзья моего мужа, прошлой зимой он пригласил их к нам на обед, и кто, вы думаете, явился первым?

– Дух мадам Блаватской?⁴ – Уиллис усмехнулся.

– Не совсем. Противный незнакомец из омнибуса. И знаете, он мне напомнил о том происшествии. По его словам, он с сотоварищами на неделю отправили свои астральные тела в Нью-Йорк, там они отлично развлеклись, и никто их не видел, кроме меня. Я ведь (сама прежде не догадывалась) наделена даром психической восприимчивости, и мне доступны невидимые глазу образы.

– Если они сыграли со мной шутку, то эта шутка очень подлая! – с досадой воскликнул Уиллис, как только к нему вернулся дар речи.

– Нет-нет. – Смех миссис Барроуз прозвучал так чарующе, что Уиллис пожалел о своих разбитых надеждах. – Все произошло случайно, они о вас даже не думали.

– Ну нет, наверняка думали. Это же друзья вашего супруга, и они хотели меня уничтожить.

⁴ *Дух мадам Блаватской?* – Елена Петровна Блаватская (урожденная Ган; 1831–1891) – русская писательница, представительница эзотерической мысли, основательница Теософского общества в Нью-Йорке (1875).

– Уничтожить? – удивилась миссис Барроуз. – С какой стати друзьям мистера Барроуза желать вам зла?

– Потому, – неспешно и тихо начал Уиллис, – потому что они, похоже, знали: с той минуты, когда я вас впервые увидел, я... Но это история с несчастливym концом, миссис Барроуз, так что я лучше промолчу. Как вам нравится в Бостоне?